

110 КГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

Ульяна Соболева

110 кг

«Автор»

2026

Соболева У.

110 кг / У. Соболева — «Автор», 2026

В сорок шесть лет Ольга весит 110 кг и узнаёт, что муж, с которым она прожила двадцать два года, уходит к молодой любовнице. Он называет её скучной, обыденной и обвиняет в том, что она «обабилась». Но предательство становится не концом, а началом. Ольге предстоит заново собрать себя, защитить детей, пережить унижение и доказать прежде всего самой себе: цифра на весах не определяет ценность женщины. История о разводе, поздней любви, материнстве и праве начать жизнь сначала.

© Соболева У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Соболева

110 кг

110 кг

Аннотация

– Дело в том, что я перерос тебя, – сказал он медленно, выговаривая каждое слово. – Понимаешь? Я стал другим человеком, а ты... ты осталась той же домохозяйкой, которой была десять лет назад.

Каждое слово било как молот по израненному рваному сердцу. Звенело в ушах, отдавалось болью в висках.

– Ты всегда была слишком... обыденной, – продолжал он безжалостно. – Скучной. Предсказуемой. Рядом с тобой я чувствовал себя как в болоте.

"Как в болоте." Вот что я для него значила. Болото, которое затягивает и не дает дышать.

– Я женился на красавице, – его голос стал еще тише, еще жестче. – А ты обабилась. И дело не в килограммах, Оля. Дело в тебе. В твоей серости, в твоей бесцветности.

Через 22 года... Просто вышвырнул на обочину и женился на другой!

Глава 1

От лица Оли

Есть моменты в жизни, когда время останавливается. Не метафорически – по-настоящему. Секундная стрелка замирает, воздух густеет, как патока, а сердце забывает, как биться. Именно такой момент настал, когда я открыла дверцу его машины и увидела их.

Розы. Двенадцать алых роз в шелестящей прозрачной упаковке. Дорогие. Безупречные. Каждый лепесток словно выточен из бархата, а аромат... боже, этот аромат ударил мне в голову сильнее коньяка. Мои пальцы дрожали, когда я поднимала букет, и я не сразу заметила белую карточку, зажатую между стеблями.

"Моей единственной. А."

Я перечитала эти слова раз, другой, третий. Буквы плыли перед глазами, словно написанные на воде. Моей единственной. За двадцать два года брака он ни разу – НИ РАЗУ! – не назвал меня своей единственной. Максимум, на что я могла рассчитывать, это равнодушное "жена" в разговорах с друзьями или снисходительное "Олечка" в минуты особой благосклонности.

Мурашки поползли по позвоночнику, оставляя за собой ледяную дорожку. В горле пересохло так, что я не могла сглотнуть. Руки тряслись настолько сильно, что карточка выпала из пальцев и упорхнула на асфальт, как белая бабочка, несущая смерть.

– Оля? – Голос Антона за спиной заставил меня подпрыгнуть. – Что ты делаешь возле машины?

Я обернулась. Он стоял в дверях нашего дома – того самого дома, который мы строили вместе, кирпичик за кирпичиком, мечта за мечтой. Высокий, все еще красивый в свои сорок восемь, с той самой улыбкой, которая когда-то заставляла мое сердце пропускать удары. Но теперь эта улыбка показалась мне фальшивой, как пластиковый цветок.

– Антон, – я подняла букет, и мой голос прозвучал странно, словно не мой. – Объясни мне это.

Секунда. Всего одна секунда – но я увидела, как что-то мелькнуло в его глазах. Испуг? Вина? Или просто досада от того, что его поймали?

– Это... – он сделал шаг ко мне, и я заметила, как напряглись мышцы его челюсти. – Это для тебя, дорогая. Сюрприз.

Сюрприз. Господи, как же больно услышать эту ложь. Физически больно, словно кто-то вонзил нож между ребер и медленно проворачивает лезвие.

– Для меня? – Я засмеялась, и этот смех показался мне самой жутким. Истеричным. Ломким, как осенний лед. – Антон, ты никогда не дарил мне розы. За двадцать два года – ни одной розы. Помнишь, что ты говорил? "Цветы – это выброшенные деньги. Они все равно завянут."

Он замер. В его глазах я прочитала панику, которую он пытался скрыть за натянутой улыбкой.

– Ну... может, я изменился. Может, захотел сделать тебе приятное...

– Моей единственной? – Я подняла карточку с земли, и мой голос стал тише, но от этого еще страшнее. – Скажи мне, Антон, когда ты последний раз называл меня своей единственной?

Молчание. Оно обрушилось на нас, как лавина. Тяжелое, давящее, полное невысказанных истин. Я смотрела на мужа – на этого мужчину, ради которого бросила консерваторию, ради которого отказалась от аспирантуры, ради которого похоронила свои мечты под грудой детских подгузников и школьных завтраков – и понимала, что смотрю на чужого человека.

– Оля, я не понимаю, к чему ты клонишь... – начал он, но я его перебила.

– А я понимаю, – тихо сказала я. – Я понимаю все.

В эту секунду мир раскололся. Не метафорически – буквально. Я почувствовала, как трещина проходит через мою жизнь, разделяя ее на "до" и "после". До этого момента я была женой Антона Сергеева, матерью Кати и Максима, учительницей литературы в школе номер семнадцать. А теперь... теперь я не знала, кто я.

– Скажи мне правду, – попросила я, и в моем голосе не было злости. Только усталость. Такая глубокая, вековая усталость, что ломило кости. – Пожалуйста. После двадцати двух лет ты хотя бы это мне должен.

Антон опустил голову. Его плечи поникли, и вдруг он показался мне очень старым. Постаревшим на десять лет за эти несколько минут.

– Я... – он с трудом подобрал слова. – Я встретил кого-то.

Четыре слова. Всего четыре слова – а они перевернули мою вселенную. Я не кричала, не билась в истерике, не швыряла букет в его лицо. Я просто стояла и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Медленно, болезненно, как увядает цветок без воды.

– Кто она? – спросила я.

– Алиса. Ей двадцать девять. Она... дизайнер.

Двадцать девять. На семнадцать лет моложе меня. Пока я толстела от беременностей, теряла талию и грудь, зарабатывала первые морщины от бессонных ночей с больными малышами, где-то росла Алиса. Стройная, молодая, без растяжек на животе и мешков под глазами.

– Давно? – Мой голос звучал удивительно спокойно.

– Восемь месяцев.

Восемь месяцев. Пока я готовила ему ужины, стирала его рубашки, слушала рассказы о работе, он... он был с ней. Целовал ее, шептал ей нежности, покупал ей розы.

– Она беременна, – сказал он тихо, и это прозвучало как приговор.

Мир качнулся. Я схватилась за крыло машины, чтобы не упасть. Беременна. От моего мужа. Она носит его ребенка, пока я... пока я превратилась в домохозяйку весом под сто десять килограммов.

– Оля, пожалуйста, пойми... – он сделал шаг ко мне, но я отшатнулась.

– Не подходи, – прошептала я. – Не смей.

Слезы жгли глаза, но я не позволила им упасть. Не здесь, не перед ним. В горле стоял ком размером с теннисный мяч, и каждый вдох давался с трудом. Меня буквально раздирало на куски, словно по венам вместо крови потек самый настоящий яд.

– Я хотел сказать тебе после выпускного Кати, – продолжал он, и его голос дрожал. – Не хотел портить ей праздник...

– Как благородно с твоей стороны, – я засмеялась, и этот смех был страшнее крика. – Подождать, пока дочь закончит школу, а потом разрушить ее семью.

– Оля, я...

– Ты что? – Я повернулась к нему, и в моих глазах, должно быть, было что-то такое, что заставило его замолчать. – Ты любишь ее? Эту Алису?

Он кивнул, не поднимая глаз.

– Впервые за много лет я чувствую себя живым, – прошептал он. – Понимаешь? Живым.

А что же я? Что же двадцать два года моей жизни, отданные ему? Неужели все это время я была мертвой для него? Просто удобной мебелью в доме, которая готовит, стирает, растит детей и не требует взамен ничего, кроме крошек внимания?

– Я понимаю, – сказала я тихо. – Я понимаю больше, чем ты думаешь.

В эту секунду что-то во мне переломилось. Не сердце – сердце разбилось еще в тот момент, когда я увидела розы. Переломилось что-то другое. Позвоночник, который двадцать два года гнулся под тяжестью его равнодушия. Теперь он выпрямился.

Я швырнула букет к его ногам. Алые лепестки рассыпались по асфальту, как капли крови.

– Значит, иди к ней, – сказала я. – Иди к своей единственной. А я... я найду способ жить без тебя.

Я развернулась и пошла к дому. За спиной услышала его голос:

– Оля, подожди! Мы можем все обсудить... Цивилизованно. Да, это конец. Он настал раньше, чем я планировал! Но мы же взрослые люди!

Обсудить. Он хочет обсудить то, как уничтожил мою жизнь. Как предал двадцать два года, двоих детей, все наши мечты ради молодой стройной задницы и чувства собственной значимости.

Я не обернулась. Дошла до двери, вошла в дом и заперлась. Только тогда, прислонившись спиной к двери, я позволила себе расплакаться.

Слезы лились и лились, а в голове крутилась одна мысль: "Двадцать два года. Двадцать два года моей жизни." Я плакала о молодости, растраченной на неблагодарного козла. О таланте, похороненном под домашними обязанностями. О мечтах, которые так и не сбылись.

Но больше всего я плакала о том, что где-то в глубине души все еще любила его. Этого предателя, этого лжеца, этого человека, который только что выстрелил мне в сердце из упор.

И это было самым страшным открытием из всех.

Потому что любовь, которая не умирает даже после предательства, – это не благословение. Это проклятие. И теперь мне предстояло научиться жить с этим проклятием.

Или найти способ от него избавиться.

Глава 2

От лица Оли

Я сидела на полу в прихожей, прислонившись спиной к двери, и слезы текли по щекам солеными ручьями. В руках дрожал телефон – я набирала номер сестры, потом сбрасывала звонок, потом снова набирала. Как объяснить ей, что моя жизнь только что рассыпалась в прах?

И тут память – эта садистка, не менее жестокая чем сама смерть – решила подлить масла в огонь. Воспоминания накатили волной, смывая настоящее, и я провалилась в прошлое, как в омут.

Питер, двадцать два года назад. Консерватория.

Я стояла в малом зале, мои пальцы порхали над клавишами рояля, извлекая из него музыку, которая, казалось, лилась прямо из души. Ноктюрн Шопена – мой любимый, тот самый, который заставлял профессоров замирать с открытыми ртами. В тот день я была богиней. Двухлетней богиней музыки в скромном синем платье, с длинными волосами, заплетенными в косу.

Я была красивой. Нет, не просто красивой – я была ослепительной. Фигура-песочные часы, которой завидовали однокурсницы, глаза цвета весеннего неба, кожа как фарфор. И талант. Господи, какой же у меня был талант! Руки, которые могли извлекать из инструмента не просто звуки, а человеческие души.

– Бесподобно, – прошептал кто-то за спиной.

Я обернулась и увидела его. Высокого, широкоплечего парня в потертой джинсовой куртке, который явно не вписывался в чопорную атмосферу консерватории. Темные волосы падали на лоб, а серые глаза смотрели на меня с таким восхищением, что у меня перехватило дыхание.

– Вы студент? – спросила я, и мой голос прозвучал глупо.

– Строительный институт, – он улыбнулся, и эта улыбка была как солнце после долгой зимы. – Антон. А вас как зовут, волшебница?

Волшебница. Никто никогда не называл меня волшебницей. В моих венах загулял адреналин, сердце забилося как сумасшедшее, а щеки вспыхнули румянцем.

– Оля, – прошептала я.

– Оля-волшебница, – повторил он, и от того, как он произнес мое имя, мурашки побежали по коже. – Можно... можно я приду завтра послушать, как вы играете?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. В голове творился хаос, а в груди распускался цветок такого счастья, что хотелось кричать от радости.

И он приходил. Каждый день.

Сидел в углу зала, не сводя с меня глаз, слушал, как я играю Шопена, Листа, Дебюсси. После занятий мы гуляли по набережной Невы, и он рассказывал мне о своих мечтах – построить самый красивый дом в мире, жениться на самой прекрасной девушке, стать успешным.

– А ты уже самая прекрасная, – говорил он, целуя мои руки. – И самая талантливая. Ты будешь знаменитой пианисткой, а я буду гордиться тем, что моя жена покоряет сцены всего мира.

Моя жена. Эти слова звучали как музыка. Лучше любого концерта.

Через полгода он сделал мне предложение. Не в ресторане, не с букетом роз – просто на той же набережной, под осенним дождем. Достал из кармана скромное колечко с маленьким бриллиантом и сказал:

– Оля, выходи за меня замуж. Я буду любить тебя до конца своих дней.

Я плакала от счастья. Боже, как же я плакала! Слезы смешивались с дождем, а сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Да, – прошептала я. – Да, да, да!

Он подхватил меня на руки и закружил прямо под дождем, а прохожие улыбались, глядя на нас. Мы были такими молодыми, такими красивыми, такими влюбленными. Казалось, что весь мир принадлежит нам.

А потом...

Потом был выпускной. Я получила диплом с отличием, и профессор Вершинский, мой научный руководитель, отвел меня в сторону.

– Оля, я хочу предложить вам аспирантуру, – сказал он серьезно. – У вас исключительный талант. Через несколько лет вы могли бы выступать на лучших сценах мира.

Аспирантура. Мечта всей моей жизни. Путь к большой сцене, к славе, к тому, чтобы моя музыка звучала в лучших концертных залах планеты.

Но в тот же вечер я узнала, что беременна.

– Оленька, – Антон держал меня за руки, и его глаза светились от счастья. – Это же замечательно! Наш малыш!

– А как же аспирантура? – спросила я слабым голосом.

– Аспирантура подождет, – он поцеловал меня в лоб. – Семья важнее карьеры. Ты же сама всегда говорила об этом. А музыка... ну что музыка? Ты всегда сможешь играть дома. Для нас, для детей.

Для вас. Не для себя, не для души, не для того, чтобы дарить людям красоту. Для вас.

И я согласилась. Потому что любила его больше жизни. Потому что хотела сделать его счастливым. Потому что думала, что любовь – это жертва.

Какой же я была наивной дурочкой.

Свадьба была скромной, но красивой. Я в белом платье, которое шила мама, он в костюме, купленном в ломбарде. Мы танцевали под "Лунную сонату", которую играл приглашенный пианист, и Антон шептал мне на ухо:

– Моя волшебница. Моя единственная.

Моя единственная. Те же слова, что сегодня были написаны на карточке для другой женщины. Слова, которые после я никогда от него не слышала.

Память безжалостно прокручивала дальше. Рождение Максима. Я, уставшая, с кругами под глазами, качаю орущего младенца, а Антон приходит с работы и ворчит:

– Опять не убрано? Оля, ну нельзя же так запускать дом!

Потом – Катя. Вторая беременность, которая окончательно убила мою фигуру. Я толстела, обрастала бытом, забывала, как звучит мое имя без приставки "мама".

Рояль – свадебный подарок Антона – постепенно покрывался пылью. Сначала я играла по вечерам, когда дети засыпали. Потом – только по выходным. Потом – только в праздники. А потом... потом я перестала играть совсем.

– Оля, может, продадим рояль? – предложил Антон как-то за завтраком. – Места много занимает, а толку никакого.

Толку никакого. От моей мечты, от моего таланта, от того, что когда-то делало меня особенной.

– Нет, – сказала я тогда. – Не продадим.

И он отстал. На время.

А потом были годы. Бесконечные, серые, одинаковые годы. Школа, дом, дети, готовка, уборка, стирка. Антон все больше времени проводил на работе, все реже смотрел на меня как на женщину, все чаще воспринимал как удобную домработницу.

Когда я последний раз чувствовала себя красивой? Когда он последний раз говорил мне комплименты? Когда мы последний раз занимались любовью не из супружеского долга, а от страсти?

Я не помнила.

И вот теперь...

Теперь сидела на полу в прихожей собственного дома и понимала, что все эти годы были ложью. Он не любил меня. Может быть, когда-то любил ту двадцатичетырехлетнюю Олю с консерватории, но не меня настоящую. Не сорокашестилетнюю учительницу литературы весом под сто десять килограммов.

Слезы лились и лились, а в голове крутилась одна мысль: "За что? За что я заслужила это предательство?"

Я отдала ему лучшие годы жизни. Родила ему детей. Отказалась от карьеры ради его комфорта. Стала удобной, тихой, незаметной. Именно такой, какой он хотел меня видеть.

А он... он нашел себе молодую любовницу и говорит, что "впервые за много лет чувствует себя живым".

Значит, все эти годы рядом со мной он был мертвым? Значит, я была для него саваном, а не женой?

Боль пронзила грудь так остро, что я согнулась пополам. Это была не просто душевная боль – она отдавалась в каждой клеточке тела, ломала кости, выворачивала внутренности наизнанку.

"Любовь – это когда тебе больно, но ты все равно не можешь остановиться", – прочитала я когда-то в книге. Тогда это казалось красивой метафорой. Теперь я знала, что это жестокая правда.

Потому что даже сейчас, даже после всего услышанного, в глубине души теплилась надежда, что он передумает. Что вернется, упадет на колени и скажет: "Прости меня, Оля. Это была ошибка. Ты – моя единственная."

И я, дура несчастная, простила бы его. Потому что любовь – это не только счастье. Это еще и самое изощренное издевательство над собственным достоинством.

Телефон завибрировал в руке. Сообщение от неизвестного номера:

"Это Алиса. Нам нужно поговорить."

Мир снова качнулся. Она... она хочет поговорить со мной? Любовница моего мужа хочет встретиться с женой?

Руки тряслись, когда я набирала ответ:

"Приезжай."

Пусть приезжает. Пусть посмотрит мне в глаза и скажет, почему решила разрушить мою семью. Пусть объяснит, что такого особенного в моем муже, ради чего стоило превратить в руины жизнь трех человек.

А может быть, она просто хочет добить меня окончательно.

Что ж. Посмотрим, кто из нас окажется сильнее.

Глава 3

От лица Оли

Звонок в дверь прозвучал как похоронный колокол. Я знала, что это она. Кровь в венах превратилась в ледяную жижу, а сердце билось так бешено, что казалось – вот-вот выпрыгнет из груди и разобьется о стену.

"Успокойся, Оля. Это просто женщина. Просто молодая стерва, которая разрушила твою семью. Ничего особенного."

Я медленно поднялась с пола, разглядывая себя в зеркале прихожей. Боже, на что я была похожа! Опухшие от слез глаза, растрепанные волосы, мятое домашнее платье, которое безжалостно подчеркивало каждый лишний килограмм. А она... она наверняка выглядела безупречно.

Звонок повторился. Настойчивее. Властнее.

– Иду! – крикнула я, и мой голос дрогнул предательски.

Рука дрожала, когда я поворачивала ключ в замке. "Только не показывай слабость. Что бы она ни сказала – не показывай, как тебе больно."

Дверь открылась.

И я увидела ее.

Господи всемогущий.

Алиса была... совершенной. Нет, это слабо сказано. Она была воплощением всех мужских фантазий. Высокая, стройная, с длинными ногами и осиной талией. Даже беременность только добавляла ей женственности – небольшой округлый животик выглядел трогательно и сексуально одновременно. Волосы цвета спелой пшеницы ниспадали волнами на плечи, а лицо... это лицо могло украшать обложки глянцевого журналов.

Но хуже всего были ее глаза. Серо-голубые, холодные как арктический лед, они смотрели на меня с таким презрением, что захотелось провалиться сквозь землю.

– Вы Оля? – Голос у нее был мелодичный, с легкой хрипотцой. Такой голос, от которого мужчины теряют голову.

– Да, – я с трудом выдавила из себя это слово.

– Меня зовут Алиса, – она протянула руку для знакомства, словно мы встретились на светском рауте, а не в доме разрушенной семьи. – Думаю, Антон упоминал обо мне.

Я не пожала ее руку. Просто стояла и смотрела на это создание, которое украло моего мужа, мою жизнь, мое будущее.

– Можно войти? – спросила она, уже переступая порог. – Нам действительно нужно поговорить.

"Нет, нельзя войти! Убирайся из моего дома, из моей жизни!" – кричала внутри меня ярость. Но я молча отступила, пропуская ее в прихожую.

Алиса огляделась с любопытством. Ее взгляд скользил по семейным фотографиям на стенах, по детским рисункам Максима и Кати, приклеенным к холодильнику, по моим домашним тапочкам, небрежно брошенным у порога.

– Уютно, – сказала она, и в ее тоне чувствовалась насмешка. – Очень... по-домашнему.

Каждое ее слово било как хлыст. По-домашнему – это был приговор. Она видела во мне именно то, что видел Антон: скучную домохозяйку, которая превратила дом в музей обыденности.

– Что вы хотели сказать? – спросила я, удивляясь твердости собственного голоса.

Алиса присела на край дивана – грациозно, как кошка. Даже в таком простом движении была невыносимая элегантность.

– Оля, – начала она, и мое имя в ее устах звучало как насмешка. – Я пришла поговорить с вами как женщина с женщиной. Мы обе любим одного мужчину.

Любим. Она сказала "любим", как будто мы делим игрушку в песочнице.

– Антон мой муж, – сказала я, и слова прозвучали жалко даже для моих собственных ушей.

– Был, – поправила она мягко. – Был вашим мужем. Теперь он мой.

Эти слова ударили в солнечное сплетение с такой силой, что я согнулась пополам. "Теперь он мой." Простая констатация факта, от которой хотелось выть.

– Он еще не подал документы на развод, – слабо возразила я.

Алиса рассмеялась – звонко, красиво. Даже смех у нее был идеальным.

– Милая Оля, вы же понимаете, что это всего лишь формальность? Он уже сделал свой выбор. Посмотрите на себя и посмотрите на меня. Неужели вы не видите разницы?

О да, я видела. Черт возьми, как же я видела эту разницу! Она была молода, красива, стройна. А я... я была сорокашестилетней развалиной с лишним весом и потухшими глазами.

– Знаете, что сказал мне Антон о вас? – продолжала Алиса, наслаждаясь каждым словом. – Он сказал: "Она была красивой, когда я на ней женился. Но годы... годы не пощадили ее. Она опустилась. Перестала следить за собой. Превратилась в типичную толстую домохозяйку."

Каждое слово было как пощечина. Толстая домохозяйка. Вот как он видел меня. Вот что думал обо мне все эти годы, пока я готовила ему завтраки, стирала его рубашки, растила его детей.

– Но дело не только во внешности, – Алиса встала и подошла к роялю, провела пальцем по крышке, покрытой пылью. – Дело в том, что вы его больше не вдохновляете. Рядом с вами он чувствует себя... мертвым. Понимаете?

Мертвым. То же слово, которое он произнес час назад. Значит, они обсуждали меня. Смеялись надо мной. Жалели его за то, что он "застрял" с такой женой.

– А рядом со мной он оживает, – продолжала она. – Становится тем мужчиной, которым должен быть. Успешным, страстным, счастливым.

Мурашки побежали по коже, но не от волнения – от ненависти. Чистой, первобытной ненависти к этой женщине, которая так легко разрушила мою жизнь.

– Зачем вы пришли? – спросила я. – Чтобы потешить свое самолюбие? Чтобы добить окончательно?

Алиса повернулась ко мне, и в ее глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Но это было еще хуже презрения.

– Я пришла предложить вам сделку, – сказала она. – Отпустите его. Подпишите документы на развод без скандалов и претензий. Позвольте ему быть счастливым.

– А взамен? – Мой голос дрожал от сдерживаемой ярости.

– Взамен он оставит вам достойное содержание на детей. Вы сможете начать новую жизнь.

Новую жизнь. В сорок шесть лет, с двумя детьми и разбитым сердцем. Какую новую жизнь она себе представляет?

– Знаете, Оля, – Алиса села обратно, скрестив ноги. – Я не хочу быть злой. Но посмотрите правде в глаза. Когда вы последний раз чувствовали себя желанной? Когда Антон последний раз смотрел на вас как на женщину, а не как на... ну, как на предмет мебели?

Ее слова резали как бритва, потому что были правдой. Болезненной, унижительной правдой.

– Вы уже прожили свою жизнь, – продолжала она безжалостно. – Родили детей, построили дом, были женой и матерью. А теперь дайте ему прожить его жизнь. С женщиной, которая его достойна.

"Которая его достойна." Эти слова взорвались в моей голове, как граната. Значит, я недостойна? Значит, двадцать два года жертв, любви, преданности – это ничто?

– Кроме того, – Алиса погладила свой живот, – скоро у него будет новая семья. Ребенок, который действительно нужен и желанен. А не появился на свет по залету, как ваши дети.

По залету. Она назвала моих детей результатом залета. Моих прекрасных, умных, любимых детей.

Что-то во мне сломалось. Окончательно. Безвозвратно.

Я не помню, как оказалась рядом с ней. Не помню, как замахнулась. Помню только хлопок ладони по ее идеальной щеке и ее вскрик от неожиданности.

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ! – заорала я, и мой голос не был похож на человеческий. – КАК ТЫ СМЕЕШЬ ГОВОРИТЬ О МОИХ ДЕТАХ!

Алиса держалась за щеку, в ее глазах было настоящее потрясение. Наверное, никто никогда не поднимал на нее руку.

– Ты... ты ударила меня, – прошептала она.

– И ударю еще раз, если не уберешься из моего дома! – Я тряслась всем телом, адреналин бурлил в крови. – УБИРАЙСЯ! НЕМЕДЛЕННО!

Алиса поднялась, придерживая щеку. На ее лице расцветало багровое пятно – след моей ладони.

– Вы пожалеете об этом, – сказала она тихо, но в ее голосе звучала угроза. – Антон узнает, что вы сделали. И тогда...

– Тогда что? – Я сделала шаг к ней, и она инстинктивно отступила. – Он бросит меня? Так он уже это сделал! Найдет себе другую? Так он уже нашел! Что еще ты можешь мне угрожать, крошка?

Впервые за все время Алиса выглядела неуверенной. Ее маска совершенства треснула, показав испуганную девочку.

– Я хотела решить все цивилизованно, – пробормотала она, направляясь к выходу.

– Цивилизованно? – Я засмеялась истерически. – Разрушить чужую семью цивилизованно? Украсть чужого мужа цивилизованно? Назвать чужих детей залетом цивилизованно?

Она остановилась у двери, обернулась. В ее глазах я увидела холодную ненависть.

– Знаете что, Оля? Может, и к лучшему, что все произошло именно так. Теперь Антон сам увидит, какая вы. Озлобленная, истеричная, агрессивная. Он поймет, что правильно сделал, уйдя от вас.

Дверь захлопнулась за ней с оглушающим грохотом.

Я стояла посреди прихожей, тяжело дыша, и чувствовала, как из меня уходят последние силы. Адреналин схлынул, оставив после себя опустошение и жгучий стыд.

"Что я наделала? Боже, что я наделала?"

Ударить беременную женщину... Неважно, какая она стерва, неважно, что она разрушила мою жизнь. Я ударила беременную. Антон никогда мне этого не простит.

Телефон зазвонил через полчаса. На экране высветилось имя мужа.

– Аллю? – Мой голос звучал хрипло.

– ОЛЬГА! – Он кричал так, что я отодвинула трубку от уха. – ТЫ СОВСЕМ СОШЛА С УМА?!

– Антон, я...

– ТЫ УДАРИЛА БЕРЕМЕННУЮ ЖЕНЩИНУ! БЕРЕМЕННУЮ! У НЕЕ СИНЯК НА ВСЮ ЩЕКУ!

Каждое его слово било сильнее физического удара.

– Она... она оскорбляла наших детей, – попыталась оправдаться я.

– НАШИХ? – Его смех был полон яда. – Какие еще "наших"? Ты себя слышишь? Ты превратилась в озлобленную старуху! В базарную бабу!

Озлобленная старуха. Те же слова, что произнесла Алиса. Значит, он именно так обо мне и думал.

– Я защищала своих детей, – прошептала я.

– От чего? От правды? Оля, посмотри на себя! Ты растолстела, опустилась, превратилась в... в карикатуру на женщину! И теперь еще и дерешься! На тебя просто жалко смотреть!

Эти слова добили меня окончательно. "На тебя жалко смотреть." Мой муж, отец моих детей, человек, которого я любила больше жизни, сказал, что на меня жалко смотреть.

– Я собираю вещи, – продолжал он холодно. – И больше не вернусь в этот дом. Никогда. Ты сама все разрушила, Оля. Сама.

– Антон, пожалуйста... – Я плакала, не скрывая слез.

– Нет. Все кончено. Завтра утром придет курьер с документами на развод. Подпишешь без разговоров.

– А дети?

– Дети сами решат, с кем им жить. После того, что ты сегодня устроила, думаю, выбор будет очевиден.

Гудки. Он повесил трубку.

Я медленно опустилась на пол, прижимая телефон к груди. Все кончено. Двадцать два года брака, семья, будущее – все рухнуло за один день.

И знаете, что самое страшное? В глубине души я понимала, что он прав. Я действительно превратилась в то, что он описал. Толстую, озлобленную, потухшую женщину, которая утратила все то, что когда-то делало ее привлекательной.

"Но ведь я стала такой не только из-за себя, но и из-за тебя, – думала я сквозь слезы. – Ради наших детей, ради нашего дома, ради нашей семьи. Я пожертвовала собой ради вас всех. А теперь вы говорите, что это была ошибка?"

Может быть, и была. Может быть, самая большая ошибка в моей жизни – это то, что я перестала быть собой ради других.

Но исправить это было уже поздно. Слишком поздно.

За окном начинался дождь, и его капли по стеклу напоминали слезы. Мои слезы. Слезы женщины, которая только сегодня поняла, что прожила чужую жизнь.

И теперь мне предстояло учиться жить своей. Если я еще помню, как это делается.

Глава 4

От лица Оли

Утро встретило меня на полу в прихожей. Я так и не смогла подняться с того места, где рухнула после разговора с Антоном. Шею ломило от неудобной позы, в спине стреляло, а во рту был привкус горечи – словно я всю ночь жевала полынь.

Солнечный свет, пробивающийся сквозь окно, казался издевательски веселым. Как можно светить так ярко, когда чья-то жизнь лежит в руинах?

Я медленно села, разминая затекшие конечности, и взгляд упал на семейную фотографию в рамке на столике. Мы все вместе – я, Антон, Максим и Катя – на даче у моей мамы два года назад. Все улыбаются, все счастливы. Антон обнимает меня за плечи, и в его глазах нет того презрения, которое я видела вчера.

"Когда все изменилось? В какой момент я превратилась для него из любимой женщины в обузу?"

Мама... Боже, мама. Если бы она была жива, что бы сказала на все это? Наверное, как всегда: "Олечка, мужчины – они как дети. Нужно их прощать." Но мама не знала, на что способен "ребенок" Антон.

Я поднялась, чувствуя, как каждая мышца протестует против движения, и поплелась на кухню. Нужно было что-то съесть, хотя одна мысль о еде вызывала тошноту. Но организм требовал топлива для продолжения этого кошмара.

Открывая холодильник, я машинально глянула на магнетики с семейными фотографиями. Один из них привлек внимание – мы с мамой на крыльце ее дома в деревне. Дом, который она завещала мне. Дом, который мы продали год назад...

И тут меня ударило. Как молнией. Так сильно, что я схватилась за дверцу холодильника, чтобы не упасть.

Деньги от продажи маминого дома.

Пять миллионов рублей. Пять миллионов, которые должны были пойти на мое лечение – у меня уже год болели суставы, врачи подозревали артрит, но хорошие клиники стоили денег. Денег, которые лежали на нашем общем счете и... и которые Антон тратил на свою любовницу.

Руки тряслись, когда я включала ноутбук. Пароль от банка я знала – мы всегда делили все пополам. "Какая же я была наивная дура."

Выписка по счету загружалась мучительно долго. Каждая секунда растягивалась в вечность. И когда цифры появились на экране, мир вокруг меня покачнулся.

Остаток: 47 326 рублей.

Два миллиона превратились в сорок семь тысяч. За год. За год моей слепоты и доверия.

Дрожащими пальцами я стала прокручивать операции. И с каждой строчкой ужас нарастал как снежный ком.

"Ювелирный магазин 'Тиффани' – 180 000 рублей." "Ресторан 'Золотое руно' – 25 000 рублей." "Отель 'Ритц Карлтон' – 87 000 рублей." "Автосалон 'Премиум' – 450 000 рублей."

Страница за страницей. Месяц за месяцем. Мои мамины деньги – деньги от продажи дома, где я провела детство, где остались самые светлые воспоминания – уходили на рестораны, украшения, машины для его молодой любовницы.

Тошнота подкатила к горлу такой волной, что я едва успела добежать до туалета. Меня выворачивало так, словно организм пытался извергнуть не только содержимое желудка, но и всю эту боль, всю эту горечь предательства.

"Мамочка, прости меня. Прости, что не уберегла твои деньги. Прости, что доверилась этому подонку."

Слезы лились рекой, смешиваясь с рвотными массами. Я сидела на полу грязного туалета и рыдала – о маминых деньгах, о своем здоровье, о том, что теперь лечиться будет не на что.

Но хуже всего было другое. Хуже всего было понимание того, что Антон украл у меня не просто деньги. Он украл последнюю связь с мамой, последнюю возможность чувствовать ее заботу даже после смерти.

Когда приступ тошноты прошел, я медленно вернулась к компьютеру. Надо было увидеть все до конца. До самого дна этого предательства.

И тут я заметила странную регулярность. Каждое пятнадцатое число месяца со счета снималось ровно пятьдесят тысяч рублей. Переводом на карту, которой у меня не было.

Пятьдесят тысяч в месяц. Шестьсот тысяч в год. На что, черт возьми, он тратил такие деньги?

Я набрала номер банка, дождалась оператора.

– Добрый день, можете сказать, на какую карту переводились средства? – мой голос звучал удивительно спокойно.

– Секунду... Это карта, оформленная на Алису Дмитриевну Морову.

Алису Дмитриевну Морову.

Он содержал ее. На мои мамины деньги. Пятьдесят тысяч в месяц – больше, чем я получала, работая в школе.

Трубка выпала из рук, и я услышала собственный крик. Дикий, животный крик отчаяния и ярости. Он рвался из груди, раздирая горло, выворачивая душу наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.